

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

О. В. ТАРХАНОВ,
кандидат технических наук,
академик Международной инженерной академии,
директор и главный конструктор
Башкирского научно-инженерного центра
по технологии переработки органики
E-mail: gelo-t@yandex. ru

В статье показано, что устранение диспаритета цен, увеличение дотаций и банковского кредита и увеличение инвестиций для решения социальных проблем села не приведут к обеспечению продовольственной безопасности, ибо сельское хозяйство ведется на основе устаревших положений науки, приводящих к непрерывной порче почвенного плодородия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, плодородие.

Снижение производства продовольствия, начавшееся в России в 1980-х гг., не было остановлено переходом России к рыночным отношениям. Выявление причин этого феномена и выработка рекомендаций по их устранению может способствовать достижению продовольственной безопасности России [16].

Уже с древних времен для предотвращения голода государствами принимались и осуществлялись те или иные мероприятия. Наиболее известными из них были: «Законы царя Хаммурапи», «Реформы архонта Солона», реформы трибуна Тиберия Гракха, огосударствление финансовой системы перед закатом Римской империи, реформы Рузвельта в США и Гитлера в Германии и др.

За девять лет до исчезновения СССР была принята Продовольственная программа СССР — комплексная целевая программа, одобренная майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. Но даже девяти лет не хватило для предотвращения продовольственного кризиса и последующего распада СССР. В настоящее время в России принята Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента

РФ от 30.01.2010 № 120 (далее — Доктрина) [6]. В Доктрине указано, что «*продовольственная безопасность Российской Федерации — состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость...*».

Из этого определения следует, что именно состояние всей экономики, а не какой-то определенной отрасли народного хозяйства, должно обеспечивать продовольственную независимость. Так как словосочетание «*продовольственная независимость*» подразумевает достаточность объема производства продовольствия внутри страны, то сложное понятие «*состояние экономики страны*» является избыточным. Его можно было бы принять только для случая, когда нехватка производимого данной страной продовольствия компенсировалась бы обменом собственной продукции непищевого характера на продовольствие, производимое в других странах. Или для случая, когда дефицит продовольствия, как в Древнем Риме, покрывался бы за счет экспроприации чужих продовольственных товаров или аннексии чужой земли. Поскольку расширительное толкование исключено, то можно полагать, что в Доктрине имелось в виду состояние не всей экономики, а только *состояние сельского хозяйства*. В противном случае рассуждения о продовольственной безопасности РФ растворятся в многочисленных неопределенностях вульгарно мыслящих экономистов.

Состояние сельского хозяйства рассмотрим на основе анализа ряда публикаций. Так, специалисты отмечают, что современное сельское хозяйство РФ характеризуется «*высокой себестоимостью продукции, проблемами сбыта, низкой оплатой труда*

в отдельных хозяйствах, социальными проблемами русской деревни: алкоголизмом, «старением» и вымиранием населения, проблемой частной собственности на землю сельскохозяйственного назначения и многими др.» [10].

Там же констатируется, что в РФ «более половины продукции сельского хозяйства производится на огородах и подсобных участках населения (6,1 % общей площади сельскохозяйственных угодий)». Не анализируя этот феномен почти двадцатикратного соотношения (по площадям и производимой продукции), этот эксперт приходит к выводу: «поэтому производительность труда здесь намного выше средней, что свидетельствует о более **высокой заинтересованности частного** в отдаче от своего маленького участка». Алогичность этого утверждения очевидна, ибо производительность, в данном случае, не может быть следствием, а может быть лишь одной из возможных причин отмеченной разницы в объеме производимой продукции. В свою очередь, более высокая производительность труда частного не обязательно является следствием более высокой его заинтересованности. Действительно, величина урожая $У$ в земледелии определяется произведением четырех факторов (фактора труда Φ_T , фактора плодородия Φ_P , фактора влажности Φ_B , фактора фотосинтеза Φ_Φ) [17]:

$$У = k \Phi_T \Phi_P \Phi_B \Phi_\Phi, \quad (1)$$

где k — коэффициент соответствия.

$$\text{Здесь: } k = S U_0,$$

где S — площадь угодий, на которой выращивается сельхозкультура;

U_0 — средняя урожайность данной культуры на контроле (без удобрений) за предыдущие годы.

Из выражения (1) следует, что урожай на маленьком участке частного может быть выше только потому, что земельный участок частного обладает большим плодородием, и тем, что частник обильно поливает свой участок. При этом плодородие участка в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) больше, чем плодородие земли крупных производителей потому, что в ЛПХ вносят навозный перегной, полученный через кормление животных ЛПХ кормом с не принадлежащих ЛПХ полей, размер которых на порядок превышает размеры площади земли ЛПХ. Из этого следует, что мнение о большой производительности труда мелкого собственника — не более чем фантазия. Наоборот, производительность труда, как и объем производимой в личных подсобных хозяйствах продукции, на порядок ниже аналогичных показателей, характеризующих крупные хозяйства [18].

В работе [10] также полагается, что введение частной собственности на землю поможет привлечь инвестиции зарубежного капитала. Действительно, это позволит при банкротстве предприятий расплатиться за несработавшие инвестиции землей с последующей ситуацией, которую за 150 лет до н. э. наблюдал Тиберий Гракх: «отправленный квестором в Испанию, в Этрурии он был поражен пустыньностью страны и исчезновением крестьян-землевладельцев. В нем сложилось убеждение, что преобладание крупного землевладения и страшное обеднение среднего класса — источник всех бедствий республики.

Возвратясь в Рим, он добился избрания в трибуны и предложил закон (*lex agraria*), по которому определялась высшая норма владения общественной землей (*ager publicus*) — именно, 500 югеров на человека (югер = 1/4 десятины). Участки должны были считаться неотчуждаемыми (отличие от Лициниевых законов); получавшие их обязаны были возделывать их и платить в казну умеренный оброк» [12].

Таким образом, уже в Древнем Риме был получен ответ в виде следствия частной собственности на землю. Еще ранее аналогичный ответ был получен в Вавилонии и Древней Греции [16].

Министр сельского хозяйства РФ А. Гордеев в 2005 г. в своем докладе указывал на следующие проблемы развития сельского хозяйства России [3]:

- в 2004 г. нефтяные компании словно «сорвались с цепи»: цены на дизельное топливо поднялись на 60 %, на бензин — на 35 %;
- в сельском хозяйстве слишком высоки удельные затраты горючего — на это указывается в течение последних десяти лет в выступлениях первых лиц государства, опирающихся на расчеты экономистов. Следовательно, российскому производителю не цены на горючее мешают, а высокое удельное потребление энергии, если таковое имеет место быть;
- растущий уровень неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью. Уход правительства от политики регулирования межотраслевых пропорций порождает давление монополий на различном уровне не только на сельхозсектор, но и на другие отрасли.

Вышеприведенные суждения есть следствие известной теории диспаритета цен. Однако в теории диспаритета причины этого следствия в виде ухода правительства от политики регулирования выглядят поверхностными. Настоящими причинами этого «диспаритета» являются следующие. Во-первых, в производстве сельхозпродукции современной России значительно снизились затраты

на оплату труда непосредственных тружеников при одновременном сокращении числа занятых в производстве сельхозпродукции крестьян. *В-вторых*, импорт более дешевого продовольствия, производство которого дотируется за счет положительного сальдо в торговле Западом с Россией, позволяет российским производителям промышленных товаров проявиться во всем блеске в борьбе за прибыль. А именно поставлять «родному» селу товары по более дорогой цене как раз с учетом разницы цен на зарубежное и российское продовольствие.

В росте диспаритета цен принимает все большее количество граждан России, включая трудящихся крестьян, втягивающихся в весьма соблазнительную кампанию приобретения в кредит зарубежных автомобилей. Этот феномен давно объяснен в учебнике для средних специальных заведений Великобритании [15]. Но есть и третья причина. Она заключается в снижении почвенного плодородия, что приводит к значительному снижению урожайности и ограничению количества валового урожая.

Действительно, экспорт зерна, вместо работы на мясо и органическое вещество (навоза), приводит к эквивалентной потере почвенного плодородия полей, на которых собран урожай для экспорта. Но почвенное плодородие составляет основу фактора плодородия в выражении (1). Поэтому экспорт зерна автоматически приводит не только к уменьшению одного из сомножителей в выражении (1), но и к потере абсолютной ренты через снижение бесплатной солнечной энергии, которая могла бы аккумулироваться в урожае в случае воспроизводства почвенного плодородия органикой от кормления скота;

- заметная экспансия продовольственного импорта, конкурентоспособность которого в наибольшей степени объясняется значительными мерами государственной поддержки стран-экспортеров и очевидной либеральностью нашей торговой политики.

Очевидно что бывший министр по каким-то причинам недооценил курс России на рынок. В этой ситуации кроме законов рынка играют важную роль законы естественного отбора, причем и между государствами. Поскольку РФ в международной торговле всего лишь новичок сырьевого порядка, то у РФ нет такого сальдо, которое можно было бы направить на дотации своему производителю.

Еще одну проблему развития сельского хозяйства А. Гордеев усмотрел в «отсутствии долгосрочной и комплексной нормативно-правовой базы на основе специального федерального закона о

сельском хозяйстве, которая должна сформировать агропродовольственную политику».

Эфемерность этой проблемы проверена практикой. Закон давно принят. Но после закона дела в сельском хозяйстве не стали выправляться. Поголовье скота непрерывно снижается, а цены на продовольствие, как и диспаритет цен, продолжают расти.

Нашли в докладе А. Гордеева и научно обоснованные предсказания роста экспорта зерна и снижения доли импорта мяса. Экспорт зерна должен был достигнуть 16 млн т. Однако в 2010 г. недобор зерна составил 30 млн т. Следовательно, абсолютная погрешность прогноза по зерну составила 100 %. Одновременно вместо снижения доли импорта в ресурсах мяса и мясопродуктов, которое в 2010 г. должно было составить 27 % против 31,25 % в 2004 г., она возросла до 60 %. Можно лишь «порадоваться» за столь точное прогнозное научное обоснование. «Радость» объясняется не только тем, что импорт мяса вырос, но и тем, что в колбасе доля мяса снизилась в четыре раза. Налицо торжество рыночных преобразований, а не научности обоснований в виде методов манликовского прожектерства. Одновременно продолжает расти число исчезнувших крестьянских поселений. Если в 2005 г. их число составляло 17 000, то к 2010 г. оно достигло 40 000 (!).

Рассмотрим отдельные работы о состоянии сельского хозяйства РФ выдающихся в соответствующей области деятельности личностей. Они интересны тем, что изложены с соответствующими обоснованиями и интерпретациями исторических событий.

В книге бывшего мэра г. Москвы Ю. М. Лужкова [8] отмечается, что *«новое «колхозное закрепощение» землю у крестьян отобрало. Коллективизация превратилась в главный источник экономического развития СССР, индустриализации и модернизации страны»*.

Отсутствие в книге данных о состоянии села в этот период не дает возможности оценить объективность этого суждения. Не ясно, как могли бы развиваться события без коллективизации и что было бы со страной в течение 15 лет после ее начала или без нее. Это было бы интересно, так как со дня «перестройки» к моменту издания книги Ю. М. Лужковым также прошло 15 лет. Вместе с тем будем объективны: суждение *«новое «колхозное закрепощение» землю у крестьян отобрало»* просто не соответствует истинному положению вещей. Так, хорошо известно, что землю в колхозах не отобрали, а закрепили законом за колхозами навечно. В книге никак не комментируется создание

совхозов, как нет в ней и сравнения советского крестьянства с крестьянством постперестроечным. В то же время в книге широко констатируются негативные моменты развития современного (2005 г.) сельского хозяйства. Указывается, что правительство не уделяет должного внимания селу. В результате *«население деревни стареет и сжимается... в 1970—1980-е гг. в сельское хозяйство были закачаны огромные средства. Но эти инвестиции не влекли за собой системных изменений аграрного строя»*.

Что же хотел сказать автор? Не ясно, закачивались ли средства для системного изменения, но их было мало, или они закачивались для поддержки колхозного крестьянства, но этого не нужно было делать — вопрос остается открытым.

Следующее откровение из книги Ю. М. Лужкова: *«Не было никакого желания принципиально изменить и модернизировать аграрную экономику. Достаточно сказать, что, согласно выводам многих исследователей, с 1965 по 1982 г. государственное и партийное руководство даже и не обсуждало никаких более или менее серьезных программ в области сельского хозяйства»*.

Если следовать фактам, то вышеприведенная мысль не совсем точно отображает реальную ситуацию в 1970—1980 гг. Так, именно в этот период продолжалось интенсивное строительство птицефабрик и животноводческих комплексов. Были выделены существенные средства для апробации интенсивных технологий. В 1977 г. было принято решение о создании Научно-исследовательского института экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во главе с В. В. Милосердовым. Именно на этот период приходится продолжающийся рост поголовья животных и птиц, рост поставок селу тракторов, автомобилей, комбайнов и удобрений. С 1971 по 1981 г. объем продукции животноводства увеличился на 10 % [13]. Были развернуты масштабные научно-исследовательские работы по созданию новых видов удобрений и освоению их технологий в серийном производстве [21]. В 1979 г. создана «Союзсельхозхимия» с гигантскими техническими возможностями.

Другое дело, что все эти беспрецедентные усилия по поддержке сельского хозяйства все же не привели к устойчивому производству сельскохозяйственной продукции. По мнению автора, это произошло потому, что *«сельское хозяйство России к тому времени, по большому счету, все быстрее и быстрее возвращалось к состоянию хозяйства натурального»* [8]. Это суждение весьма любопытно и не лишено здравого смысла. *«Натуральное состо-*

яние» характеризует личные подсобные хозяйства, на поддержку которых с 1977 г. были направлены определенные усилия ЦК КПСС и Советского Правительства. Именно эти ЛПХ в современной (капиталистической) России, как и ранее, продолжают производить половину продукции сельского хозяйства натуральным способом [18].

Следовательно, системная перестройка сельского хозяйства в РСФСР произошла именно в те годы, в которые Ю. М. Лужков этой перестройки не заметил. Другое дело, что эта системная перестройка не привела к положительным переменам в производстве сельскохозяйственной продукции и страна, ввиду дефицита собственного продовольствия, была вынуждена сесть на иглу «нефть — продовольствие». Но это уже совсем другая история.

В целом получается, что проблемы российского сельского хозяйства возникли практически сразу же после отмены в России крепостного права. Выходит, *«попыткой решения этих проблем были столыпинские реформы. Их результатом должно было стать среднее и крупное частное крестьянское землевладение, не связанное тормозящими капиталистическое развитие общинными путями»*. К сожалению, автор вместо экономических обоснований этого суждения приводит лишь организационные. Так, он полагает, что *«за счет перераспределения государственных и выкупа через Крестьянский банк помещичьих земель происходило «вокrestьянивание земли», постепенное становление нового трудового класса сельских собственников. Наконец-то в истории России формировались ориентированные на рынок крупные товарные аграрные хозяйства»*. Здесь сложное словосочетание *«новый трудовой класс сельских собственников»* не расшифровано. Если предположить, что под этим классом понимается класс кулаков (как класс, состоящий из мелких собственников земли, опирающихся на наемный труд), то этот класс *уже не был сугубо трудовым*. Но самое главное, хозяйства этого класса не могли быть отнесены *«к крупным товарным аграрным хозяйствам»*. Именно поэтому *«вокrestьянивание земли»* по-столыпински, вошедшее в подсознание крестьян России как путь в закабаление, вызвало бурное отрицательное отношение российского общества.

Вместе с тем вводимое Ю. М. Лужковым в оборот сложное словосочетание *«вокrestьянивание земли»* вызывает необходимость исследования понятия *«крестьянин»*. В Толковом словаре В. И. Даля находим, что *«крестьянин — мужик, землепашец или земледел, селянин, поселянин; сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию»*.

Крестьяне наши делятся на: государственных (казенных, в число которых поступили при Екатерине, и экономические, т. е. монастырские), удельных, помещичьих, заводских казенных и помещичьих, дворцовых и пр. [4].

Приведенное понятие «крестьянин» полностью соответствует истории: *«крестьянин был вольный и переходный сьемщик чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда, договора с землевладельцем»* [7].

Вникая в суть приведенных устоявшихся в России XIX в. понятий, начинаешь понимать, почему российское общество неодобрительно отнеслось к идеям П. Столыпина. Эти идеи прямо приводили к массовому отчуждению крестьян от земли и превращению их в пролетариев. Пролетариев, в свою очередь, не любили потому, что К. Маркс предсказал их неизбежный приход к власти, а крестьяне не хотели превращаться в сельских пролетариев, ибо точно знали, что в период межсезонья они будут вынужденно жить впроголодь. Известно, что реформы Столыпина в немалой степени способствовали февральской революции 1917 г.

Вместе с тем идеи П. А. Столыпина в переписке с ним отвергались самым могучим русским писательским умом конца XIX в. — Л. Н. Толстым [14]. В 1907 г. Л. Н. Толстой пишет Столыпину, что *«причины тех революционных ужасов, которые происходят в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. Все, и революционеры, и правительство, сознают это, но, к сожалению, до сих пор ничего, кроме величайших глупостей и несправедливостей, не придумывали, что только усиливают раздражение народа признанием существующей несправедливости — несправедливость эта, так называемое право земельной собственности»*.

Однако Л. Н. Толстой не остановился на простой констатации народного чувства. Писатель отмечал, что *«должно быть ясно, что право владения как собственностью хотя бы одним осьминником земли, будь владелец распрокрестьянин, так же незаконно и преступно, как владение богачом или царем миллионом десятин. И поэтому вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, как уничтожить право собственности на землю и как сделать пользование ею одинаково доступным всем. 26 июля 1907 г.»*

На это письмо П. А. Столыпин ответил незамедлительно: *«Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство. Природа вложила в человека*

некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п., и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею».

Слова *«мне кажется»* — ничтожный аргумент в рассуждениях премьера, который плавно подменяет понятие *«нельзя любить чужое наравне со своим»* понятием *«нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании»*. Оба понятия — не тождественны друг другу. При этом, например, аренда 1 000 га на 50 лет явно предпочтительнее собственности на землю в 1 га, которую, как подтверждено многократно в истории (времена Хаммурапи, Солона, Тиберия Гракха и пр.), мелкий собственник терял неотвратимо, переходя на эволюционную кривую исчезновения. К тому же, слова П. А. Столыпина *«обхаживание»*, *«улучшение»* — в науке о почве носят неопределенный характер. Вплоть до сегодняшнего дня неизвестен ни один собственник земли, у которого ее плодородие улучшилось хотя бы на 1 % по истечении, например, ста последних лет. А ведь должны бы были улучшиться хотя бы в несколько раз. Наоборот, все земли ухудшились. На них нельзя получить рентабельно сносного урожая без внесения в них от 250 до 2 000 кг минеральных удобрений. То есть в истории нет сведений, подтверждающих позицию П. А. Столыпина о любви к частной земле, в том числе и к своей собственной как крупного землевладельца. Единственное, что оправдывало остроумную эквилибристику мыслей П. А. Столыпина — это обеспечение российским разоряющимся крупным собственникам «реформирования» за счет казны. То есть желание влить за счет государства, в том числе и царской семье, золотые рубли за выкуп у разоряющихся дворян земли с последующей скупкой ими же или нарождающейся буржуазией земли обратно по демпинговым ценам у «осчастливленных» даровой землей мелких собственников, разорение которых было неизбежным. Как, впрочем, и самой казны. Это не устраивало как интеллигенцию, так и основную массу крестьянства.

На эти обоснования П. А. Столыпина о любви к собственному Л. Н. Толстой отвечает, что *«я совершенно согласен с этим, но становление Единого налога и признание земли общей собственностью всех людей не только не противоречит этому свойству людей владеть собственностью, но оно вполне удовлетворяет ему, удовлетворяет потому, что не «священное», как любят говорить (священно только божествен-*

ное), **а истинно законное право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда».**

Трудно не согласиться с тем, что человеку должны принадлежать плоды его труда. Однако не позиция Л. Н. Толстого в 1907 г. является главным аргументом в оценке реформ Столыпина, а результаты этой реформы 1906—1913 гг.: *«На территории 12 уездов, где реформа имела наиболее заметные результаты, из 17 567 хозяйств оказалось 3 384 (19,3 %) «опавших» и выбывших из учета. Среди оставшихся на учете 2 607 хозяйств не имели рабочего скота, 2 364 сдавали свою землю в аренду. Способными наладить рациональное производство были признаны лишь 2 315 (16,3 %) хозяйств»* [11].

Однако вернемся к книге Ю. М. Лужкова. Среди недостатков отношения к селу автор особо отмечает недостаточность государственных дотаций. Если принципиально, то дотации — это экономический нонсенс. Внутри государства нет возможностей осуществлять эти дотации по той простой причине, что никакие прибыли от внутренней деятельности не могут покрыть растущих издержек по ведению традиционного агроценоза. Но автор полагает, что Россия должна-таки дотировать свое сельское хозяйство в размерах, приближающихся к западным. Упоминаемые величины дотаций впечатляют: *«Такой показатель, как агрегированные меры поддержки в расчете на один гектар пашни, составлял в то время в России 65 долларов, в США — 333 доллара, а в Евросоюзе вообще 1 587 долларов на один гектар. Повторяю прописью, если кто не понял, — тысяча пятьсот восемьдесят семь долларов. То есть уровень поддержки европейского крестьянина в 24 раза больше, чем в России».*

Вполне ясно, что Россия такой уровень поддержки может достигнуть только в одном случае — если она от внешней торговли увеличит долю чистой прибыли (если таковая есть) не менее чем в двадцать четыре раза. Этого в ближайшие *n* лет не ожидается. При этом необходимо отметить, что спустя два года после издания книги Ю. М. Лужкова земля в России стала частной собственностью, что подтверждают юристы РФ [1]. С учетом этого необходимо признать, что землевладельцы, которые десять лет назад начали скупать российские земли по 100 руб. за 1 га, как в Саратовской области и иных регионах, получили бы весьма желательную дотацию, о которой говорит Ю. М. Лужков. Причем это была бы не только дотация. Это была бы на много лет вперед манна небесная, после которой любой из крупных землевладельцев вцепился бы в землю по вполне понятным причинам. Однако рано или

поздно даже такие дотации не могут удержать от разорения сельское хозяйство от снижения продуктивности, ибо дотация привязана не только и не столько к количеству земель, но и к конкретной отдаче земли, снижающейся со временем.

В целом книга Ю. М. Лужкова содержит множество отмеченных им недостатков. Но так как главный из них к сегодняшнему дню устранен (земля стала частной собственностью, в основном крупных землевладельцев), то остальные недостатки не представляют интереса с точки зрения задач, стоящих перед настоящим исследованием. Заканчивается книга характерным пассажем: *«Но мы же не хотим повторить судьбу СССР!».* Здесь, возможно, дело не столько в нас, сколько в конкурентах и выявлении сути агроценоза. Но в книге политика эта суть не могла быть раскрыта.

Одним из самых крупных и осведомленных аграрных экономистов последних тридцати лет является академик РАСХН В. В. Милосердов [9]. С 1973 г. он являлся директором Всесоюзного института экономической кибернетики; с 1977 г. — директор НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР, с 1992 г. — директор Всероссийского НИИ экономики, труда и управления в сельском хозяйстве (ВНИЭТУСХ), которым он руководил до 2003 г. По мнению академика В. В. Милосердова, основными проблемами сельского хозяйства в СССР, требующими безотлагательного решения, являлись три.

Первая — чрезмерная централизация управления, которая снижала роль и ответственность регионов за результаты хозяйственной деятельности, за улучшение условий жизни населения, приводила к плохому использованию, а то и к сокрытию резервов и возможностей экономического роста.

Вторая — розничные цены, которые на основные продукты питания оставались неизменными в течение нескольких десятилетий и были значительно ниже их себестоимости. В то же время цены на товары фондопроизводящих отраслей и услуги сельскому хозяйству повышались. Государство вынуждено было компенсировать разницу в закупочных и розничных ценах. Дотирование искажало действительную стоимость конечной продукции агропромышленного комплекса, доля его в народном хозяйстве по этой причине занижалась примерно на 8 процентных пунктов (27,5 и 35,6).

Третья — неверно сориентированное планирование в аграрном секторе, особенно в животноводстве, где важнейшим показателем оценки хозяйственной деятельности колхозов и совхозов было выполнение плана по поголовью скота на конец

года. Порочность такой оценки приводила к тому, что хозяйства вынуждены были сдерживать сдачу скота до начала следующего года. Скот передерживался, терял в весе, бесполезно расходовались корма, снижалась его отдача. В начале 1980-х гг. продуктивность скота оставалась низкой, надои на корову составляли 2–2,2 тыс. кг молока. Скот обеспечивался кормами на 65–70 %.

В. В. Милосердов отмечал, что *«реформа пошла не по пути решения скопившихся в советской системе хозяйствования проблем, а в направлении ускоренного и неуправляемого здоровым смыслом возрождения системы, где правит частный капитал»* [9].

Не трудно заметить, что все три вывода являются собой суждения, правильность которых для читателя как бы подтверждается очевидностью формулировок, которые не есть эквивалент обоснования и раскрытия перечисленных проблем. Надо было доказать, что централизация ведет к сокрытию резервов, что покрытие диспаритета между неизменными ценами на продовольствие и растущими ценами товаров фондопроизводящих для сельского хозяйства отраслей и услуг нуждается в реформе цен, что неверно сориентированное планирование, а не иные причины, ведет к издержкам в животноводстве и т. д. Но так ли очевиден диагноз?

Во-первых, централизация управления сельским хозяйством в СССР была изначально. Это не мешало, а скорее, способствовало наращиванию продуктивности сельского хозяйства как в растениеводстве, так и в животноводстве. В СССР в сопоставимых ценах в период с 1971 по 1987 г. продукция растениеводства выросла с 80 594,8 млн руб. до 95 863,7 млн руб., а продукция животноводства, аналогично, выросла с 95 375,5 млн руб. до 122 644,0 млн руб. [13, с. 33–39]. Стало быть, вывод о порочности централизации — не точен.

Во-вторых, в капиталистическом сельском хозяйстве наблюдалось аналогичное снижение продуктивности сельского хозяйства в расчете на единицу поставляемых сельскому хозяйству минеральных удобрений и машинотракторной техники. Мало того, уже к 1980-м гг. внутреннее производство продуктов растениеводства и животноводства не удовлетворяло внутренних потребностей населения развитых капиталистических стран, где централизация была замещена рынком, а дотации сельскому хозяйству достигли совершенно фантастических величин. То есть рынок и децентрализация не помогали. Следовательно, выводы о централизации и дотациях — не точны.

В-третьих, необходимо учесть, что в СССР в тот же период рост поставок селу машинотрактор-

ной техники и удобрений (в пересчете на единицы мощностей и действующее вещество) опережал отдачу села в натуральном исчислении. То есть так же как и в западных странах. Следовательно, очевидным был факт несоответствия теории сельскохозяйственного производства (чем больше удобрений и машин, тем больше продуктивность) результатам практики. Но теория — святая святых. К этому времени специализация в науке достигла немыслимых высот. Количество научных работников выросло в несколько раз, как и специалистов, выпускаемых сельскохозяйственными вузами со знаниями, выработанными человечеством... к 1860 г.

Все изложенные факты почему-то не нашли отражения в рассуждениях В. В. Милосердова. Поэтому уместен вопрос: «А что оставалось делать М. С. Горбачеву, как не отказаться от централизации, непутевой дотации и голодных животных на фоне немалого количества граждан, желающих есть и спать, а не разбираться в казусах сельского хозяйства?». И «перестройка» произошла! Но сельское хозяйство не только не стало более продуктивным, а наоборот, превратилось в еще более беспомощное... Это стало для реформаторов своеобразным социолого-экономическим шоком. Раскрылась явно низкая эффективность зарубежного сельского хозяйства, потрясенного истреблением миллионов голов крупного рогатого скота (коровье бешенство), свиней (чума) и птиц (птичий грипп) с общим ущербом до сотни миллиардов долларов. Выявилась гигантская потребность мировой экономики в российских промышленных сырьевых ресурсах и даже... в зерне. А воз и ныне там — *сельское хозяйство едва справляется с удовлетворением внутренних потребностей россиян всего на 50 %, а число голодающих в мире перевалило за один миллиард человек.*

Возможно, именно открывшаяся истина о том, что развитыми капиталистическими странами свое сельское хозяйство дотируется в не меньших размерах, чем это было в СССР, позволяет В. В. Милосердову критиковать монетариста А. Кудрина. Министр финансов России А. Кудрин в «Российской газете» от 12 февраля 2004 г. говорит, что поддержка села *«возможна и необходима только в одном случае — в интересах безопасности страны. Не продовольственной или экономической безопасности, а настоящей, национальной, чтобы страна сохранила свой суверенитет»*. На это В. В. Милосердов замечает, что *«по-кудрински, продовольственная безопасность для нашей страны — это безопасность не настоящая, хотя общеизвестно, что страны теряют свою продовольственную независимость, если доля импорта*

к внутреннему потреблению выходит за пределы 20—30%. Россия давно перешагнула этот рубеж».

Вместе с тем необходимо сказать, что конец ниточки, за который можно было бы потянуть и раскрыть причины недостатков сельского хозяйства СССР, у В. В. Милосердова был. Конец ниточки обозначен в третьей проблеме, им же изложенной. Действительно, несмотря на плановое хозяйство, а это, прежде всего, баланс, В. В. Милосердов свидетельствовал, что «скот обеспечивался кормами на 65—70%». Уже из этого факта следует, что сельское хозяйство в СССР велось как-то очень странно. Все три проблемы, обозначенные В. В. Милосердовым, им не связывались с дефицитом кормов.

Теперь рассмотрим ситуацию в сельском хозяйстве, как представляет ее бывший второй секретарь компартии Белоруссии, академик РАСХН В. С. Шевелуха [23]. В обращении к Президенту и Правительству РФ (2009 г.) после констатации, что Россия производит всего половину необходимого продовольствия, он отмечает, что «в результате проводимых ошибочных, навязанных нашей стране извне аграрных и других реформ Россия потеряла свою продовольственную безопасность и подошла к черте наступающего голода и общенациональной катастрофы».

Итог этой мысли подтверждается Доктриной, в которой продовольственная безопасность РФ обозначена как обеспечение собственным продовольствием на 95% [6].

Далее В. С. Шевелуха отмечает, что «по опыту и расчетам ведущих экономистов-аграрников, объемы инвестиций из консолидированного бюджета вместо нынешних 1% должны составлять на начальном этапе восстановления сельскохозяйственного производства страны в размере не менее 20% с последующим их возможным снижением до 10%».

Таким образом, в обращении упор делается на инвестиции в размере 20% консолидированного бюджета России. При этом (обоснование отдачи от села) предлагается эти инвестиции направить на «производство зерна, продукции животноводства, льна-долгунца и ряда других видов продукции. Сегодня производство льноволокна в России составляет всего лишь 50 тыс. т. Минсельхоз России должен увеличить его до 0,8—1,0 млн т и значительно расширить его экспорт за рубеж».

Россия располагает отличными условиями для производства зерна твердых и сильных пшениц в Поволжье, на Южном Урале, на Северном Кавказе. Большие партии таких сортов пшеницы могут быть реализованы на внешнем рынке за валюту и дать большой объем прибыли для преодоления финансового

кризиса.

Огромные масштабы сенокосов и пастбищ (90 млн га) в Нечерноземной зоне и других регионах страны должны подвергнуться коренному улучшению и быть использованы для развития мясного и молочно-мясного скотоводства, сокращения импорта мяса из США, молочного порошка из Австралии».

В этом предложении есть ряд противоречий. С одной стороны, развивать мясное животноводство без зерна — задача практически невыполнимая. Поэтому предложение о производстве зерна на экспорт выглядит достаточно амбициозным. С другой стороны, сделать опорой развития молочно-мясного и мясного животноводства регионы с сенокосами и пастбищами — достаточно опрометчиво. Даже в советские времена, когда поток ресурсов на село достигал много больших величин, чем сегодня, уже наблюдалась нехватка кормов. Нехватка эта определялась именно низкой продуктивностью сенокосов и пастбищ. Заготовка веток не помогла. Следовательно, прежде чем направлять средства в данном направлении, необходимо разобраться в причинах низкой продуктивности естественных кормовых угодий. Не зная причин — нельзя исправить недостаток.

Со ссылкой на мировой опыт в обращении утверждается, что «Правительство России может и должно взять на себя решение главного финансового вопроса — за счет регулирования цен полностью решить проблему ликвидации диспаритета на сельскохозяйственную и промышленную продукции».

Это предложение не выдерживает критики. Очевидно, что при оказании помощи селу в размере 20% консолидированного бюджета счетное урегулирование цен будет способствовать лишь уменьшению величины самого консолидированного бюджета.

Далее В. С. Шевелуха, описывая «крайнюю запущенность села», предлагает: «Сегодня проблемы села решать некому! Президенту, Федеральному Собранию, Правительству РФ эту проблему нужно взять под особый контроль, под личную ответственность. В Белоруссии нет более важных обязанностей у верховной власти республики, чем решение задачи улучшения условий и качества жизни людей. Отсюда и результат — Беларусь полностью восстановила достигнутый в 1980-е годы уровень».

Вполне ясно, что суть предложения — дополнительно выделить финансы из бюджета на помощь соцкультбыту селян. Но бюджет — не финансовая емкость с расширенным воспроизводством ассигнций. Ссылка же на Белоруссию — не совсем корректна. Во-первых, природно-климатические условия Белоруссии на порядок благоприятнее для ведения

сельского хозяйства, чем условия России. *Во-вторых*, Белоруссия с 1991 г. никогда не достигала тех «зияющих высот перестройки социальной жизни на селе», которые к 1999 г. были завоеваны российским сельским хозяйством. *В-третьих*, сегодня в Белоруссии весь потенциал механизированных средств брошен на использование сапропели и торфа. Возможно, что этого рывка хватит на ближайшие 5–10 лет. Но будем реалистами, торф и сапропель — не столь ценны и не вечны. Их запасы в Белоруссии незначительны. Значит, рано или поздно придется столкнуться с неизбежным падением валового продукта сельского хозяйства. Правда, в Белоруссии начаты интенсивные поиски по решению **проблемы** воспроизводства почвенного плодородия через вовлечение в круговорот всего органического вещества урожая, **поставленной** двадцать лет назад в России. Но решение этой проблемы связано с достаточно большими препятствиями [2].

Далее, критикуя позицию бывшего министра сельского хозяйства РФ по вопросу экспорта 20 млн т зерна, В. С. Шевелуха пишет, что «единственно правильным решением должно быть прекращение в настоящее время экспортных поставок зерна и использование его внутри страны для увеличения производства мяса, молока и других продуктов животноводства».

Здесь просматривается противоречие с ранее предложенным мероприятием по производству зерна на экспорт. В дальнейшем В. С. Шевелуха перечисляет достижения российской аграрной науки в виде новых «устойчивых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур с потенциальной урожайностью в переводе на зерно свыше 80 и более центнеров с гектара; пород молочного скота с потенциальной продуктивностью коров 7–8 и более тыс. кг молока на фуражную корову в год, пород кур с яйценоскостью 340–350 яиц на несушку в год, пород мясного крупного рогатого скота с суточными привесами 1 000 г и более в сутки, свиней — 600–800 г в сутки».

Среди глубоких теоретических разработок в России, имеющих стратегическое значение, имеются предложения ученых по биотехнологии, нанотехнологии, биоинженерии; использованию возобновляемых источников энергии по улучшению экологии среды. Этим направлениям необходимо было дать в стране зеленый свет».

Здесь необходимо отметить, что внедрению созданных сортов и гибридов растений, высокопродуктивных пород животных и яйценосных птиц сейчас в России ничего не мешает. Что же касается разработок, которым нужно дать зеленый свет, то здесь не ясно, о чем идет речь: что это за разработки и на решение каких проблем они направлены.

Главную причину в снижении продуктивности сельского хозяйства В. С. Шевелуха видит в том, что «земля **находится в частной собственности**. Она деградирует и разбазаривается». Другой серьезной ошибкой, по мнению В. С. Шевелухи, «было освобождение Министерства сельского хозяйства от организационных, функциональных и технологических обязанностей по управлению сельским хозяйством якобы в целях концентрации его сил и средств на научном обеспечении отрасли и использования «вредного» вмешательства административных ведомств в практическую деятельность предприятий».

Весьма интересным является суждение о факторах «повышения уровня почвенного плодородия, расширения масштабов комплексной механизации, электрификации и автоматизации производства, химизации и мелиорации земель, биологизации сельскохозяйственного производства. Это строго выверенный наукой и практикой комплекс организационно-технологических и научных мер, абсолютно необходимых для нормального функционирования сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности страны».

В этом обширном суждении о связи факторов с наукой опять-таки не все ясно. Так, не ясно, что понимается под фактором «повышение уровня почвенного плодородия», ибо здесь же говорится о факторе «химизации». Непонятен фактор «биологизации сельскохозяйственного производства». Эти замечания не случайны. Так, в науке о почве и агрономии до сих пор нет четкого представления о сути почвенного плодородия. Поэтому вновь вводимый фактор «повышение уровня почвенного плодородия» вырождается в риторическое пожелание. Отсутствие представлений о плодородии явно противоречит утверждению о том, что указанный фактор «строго выверен наукой», как и фактор «химизации», который в виде применения в сельском хозяйстве минеральных удобрений лишь снижает естественное почвенное плодородие. В свете констатации В. В. Милосердова о недостаточном уровне кормов в СССР становится неясным, почему это было допущено, если наукой был выверен фактор «повышения уровня почвенного плодородия». Если же все факторы были выверены наукой, то кто проигнорировал в СССР эти факторы и допустил сбой в производстве сельскохозяйственной продукции?

Изложенные взгляды на недостатки современного российского сельского хозяйства расходятся только в одном: одни исследователи считают, что главный недостаток связан с отсутствием частной собственности на землю (П. А. Столыпин, Ю. М. Лужков), а другие (Хаммурапи, Солон,

Грахх, Л. Н. Толстой, В. В. Милосердов, В. С. Шевелуха) этот главный недостаток видят как раз во введении частной собственности на землю. В остальном мнения современных исследователей совпадают.

Вместе с тем весь опыт зарубежного и отечественного сельского хозяйства показывает — *независимо от форм собственности на землю дела в сельском хозяйстве незавидные*. Это доказывается тем, что за последние сто лет из оборота выведено 2/3 земель сельскохозяйственного назначения [5]. Поэтому не исключается вывод: либо в сельском хозяйстве не используются на должном уровне научные рекомендации, либо эти рекомендации основаны на ошибочных положениях науки.

На сегодняшний день признано, что наиболее глубокими исследованиями агросферы являются работы К. Маркса. Однако ознакомление с этими работами выявило, что исследования теории сельскохозяйственной стоимости и природы абсолютной ренты Марксом не были завершены [17, с. 8]. При этом урожай как стоимость в агросфере, при прочих равных условиях, определяется не трудом, а произведением фактора труда и фактора средств производства. Поскольку главным средством производства в сельском хозяйстве является почвенное плодородие, то вполне понятно, что и фактор средств производства в агроценозе определяется естественной сущностью почвенного плодородия. Однако в современной аграрной науке почвенное плодородие принято идентифицировать с наличием в почве гумуса и питательных веществ в усвояемой форме. Обе эти составные части, как оказалось, не определяют сути почвенного плодородия [19]. Последнее отображается не гумусом и усвояемыми минеральными веществами, а динамикой образования питательных веществ в почве. Известно, что в 20-сантиметровом слое почвы на одном гектаре находится до 100 т питательных веществ. Однако было непонятно, для чего эти вещества находятся в почве в неусвояемой форме. При этом фактически весь этот запас веществ в культурном слое почвы находится в хорошо изученном почвенном поглощающем комплексе (ППК), открытом выдающимся русским ученым К. К. Гедройцем.

В агроценозе, как и природном биоценозе, питательные вещества из ППК переводятся в усвояемые формы благодаря взаимодействию органического вещества, биоты почвы и корней растений. Но так как в агроценозе основная масса собираемого урожая уходит на корм животным, то вполне ясно, почему природа сотворила животных с низким коэффициентом биоконверсии кормов. Не усвоенная

животными органика кормов в виде фекалий должна поступать в почву для поддержания жизни в почве и последующего создания благоприятных условий для роста растений. Но в аграрных науках, включая аграрную экономику, фекалии животных отнесли не к органическому веществу, необходимому природе, а к отходам. В результате, в агроценозе во всех государствах Земли органическое вещество фекалий не было востребовано. Его работу ошибочно заменили на поставки сельскому хозяйству искусственных минеральных удобрений, которые угнетают почвенную биоту и год от года уменьшают естественное плодородие окультуренных земель.

Именно вследствие этого плодородные некогда земли (почвы) превращались, с легкой руки биологов-почвоведов и экономистов, в безжизненное пространство. Следовательно, не пренебрежение рекомендациями аграрных наук, а очевидные недоработки в теории аграрного производства привели к сегодняшнему тяжелому состоянию сельского хозяйства и самому большому экономическому кризису, поставившему на грань выживания российское государство.

Установление сущности почвенного плодородия как динамического явления, выявление механизма созидания стоимости (урожая) и обоснование закона круговорота органического вещества, как главного закона природы [17], позволяют утверждать:

1) уровень продовольственной безопасности тем выше, чем выше степень воспроизводства естественного плодородия почв;

2) чем больше возвращается органического вещества в почву, тем выше естественное почвенное плодородие;

3) чем выше естественное динамическое плодородие почв, тем больше даровой солнечной энергии запасается в урожае, тем больше на урожай работает биота почвы и азот воздуха, тем выше рентабельность сельского хозяйства;

4) чем меньше в сельском хозяйстве личных подсобных хозяйств, тем выше экономическая эффективность использования человеческого труда и тем выше может быть степень возврата органического вещества на сенокосы и иные плодородные земли, урожай с которых пошел на корм скоту;

5) в сельском хозяйстве бесхозность навоза недопустима. Весь навоз должен перерабатываться в органо-минеральные удобрения с максимальным сохранением в них органического вещества свежего навоза. Способы переработки навоза, приводящие к разложению органического вещества, в сельском хозяйстве недопустимы;

6) рентабельность сельскохозяйственного производства тем выше, чем больше органического вещества урожая предыдущего года возвращается в почву тех угодий, с которых снят урожай, и чем меньше простаивает земля под парами;

7) наивысшей производительности труда можно достигнуть в хозяйствах, в которых результаты труда принадлежат непосредственным труженикам за вычетом абсолютной земельной ренты, которая должна перечисляться в казну государства.

Поскольку как в СССР, так и в остальном мире все указанные взаимосвязанные правила нарушались, постольку это нарушение явилось главной причиной снижения производства пищи и возникновения кризисов. Поэтому в СССР выдающиеся достижения в части организации производства, семеноводства, выведения новых сортов растений и пород животных, наивысшая производительность труда не могли компенсировать уменьшения динамического плодородия, допущенного вследствие отсутствия знаний из области экономической сути производства сельскохозяйственных товаров и естественной сути почвенного (динамического) плодородия [16].

Увеличения производства пищи в мире можно достигнуть через освоение в серийном производстве технологий переработки навоза и помета в органо-минеральные удобрения с максимальным сохранением в них органического вещества фекалий животных [22]. Но можно и дальше впустую инвестировать и увеличивать дотации селу, не устраняя причин низкой эффективности частных и государственных инвестиций [20].

Список литературы

1. *Анфимов А. М.* Новые собственники (из столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 64—65, 80—81.
2. *Ахияров И. А.* Двадцать лет надежды // Республика Башкортостан. 2009. № 203.
3. *Гордеев А.* Актуальные проблемы развития сельского хозяйства Российской Федерации // Крестьянские Ведомости, 22.06.2005.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго Великорусского языка. М.: Общество любителей словесности, типография А. Семена. 1863—1865 гг.
5. *Добровольский Г. В.* Роль почв в прошлом и будущем человечества // Избранные лекции Х Всероссийской школы. Пушкино, 2001.
6. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ № 120 от 30.01.2010.
7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Лекция XXXVI. Земледельческое хозяйство крестьян. 1904.
8. *Лужков Ю. М.* Сельский капитализм в России (Аграрный вопрос правительству). М.: ОАО «Московские учебники и Картография», 2005.
9. *Милосердов Владимир Васильевич* — официальный сайт доктора экономических наук, профессора, академика РАСХН (ВАСХНИЛ), заслуженного деятеля наук РФ, известного ученого, экономиста, кибернетика, историка и публициста. URL: <http://vladimir.miloserdov.name>.
10. Модернизация сельского хозяйства на примере организации сельскохозяйственных кооперативов среди подсобных хозяйств. URL: <http://www.aknext.fanforum.ru>.
11. *Пономарев М. В.* Актуальные проблемы развития сельского хозяйства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 3.
12. *Сергеенко М. Е.* Земельная реформа Тибетия Гракха и рассказ Апиона // Вестник древней истории. 1958. № 2.
13. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988.
14. *Столыпин П. А.* Переписка с Л. Н. Толстым по вопросу о праве собственности на землю. URL: www.weche.ru/inde [php].
15. *Стэнлейк Дж. Ф.* Экономикс для начинающих. М.: Республика, 1994. С. 360.
16. *Тарханов О. В.* Кризис: причины и следствия // Проблемы современной экономики. 2009. № 2.
17. *Тарханов О. В.* Теоретическая экономия — тупик классового подхода. М.: Экономика, 2003.
18. *Тарханов О. В.* Личные подсобные хозяйства и экономика // Аграрный вестник Урала. 2008. № 8.
19. *Тарханов О. В.* Плодородие без гумуса и удобрений // Химия и жизнь. 2008. № 3.
20. *Тарханов О. В.* О причинах низкой эффективности инвестиций в сельское хозяйство // Экономический анализ. Теория и практика. 2009. № 10.
21. *Тарханова Л. С., Бутов В. В.* Мочевиноформальдегидные составы для сельского хозяйства. М.: НИИТЭХИМ, 1982.
22. *Тарханов О. В., Тарханова Л. С.* Современные технологии переработки навоза и помета как тормоз экономики. Уфа: Системы и технологии, 2009.
23. *Шевелуха В. С.* Диагноз состояния сельского хозяйства в России: глубокий кризис, ведущий к голоду и катастрофе! Что же делать? (обращение к правительству). 18 мая 2009 г. URL: <http://kprf.ru/ruso/66812.html>.